

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

П.С. Иванов

Кемеровский государственный университет

Образы стихий в художественной картине мира А.С. Пушкина

Аннотация: В статье рассматриваются образы стихий в художественной картине мира А.С. Пушкина. Представлен мифопоэтический уровень ряда лирических и лиро-эпических текстов 1813 – 1830 гг. Выделены мифологемы воды, земли, огня и ветра. Прослежена художественная семантика, структурообразующая роль данных мифологем в текстах. Мифопоэтическое содержание образов стихий соотносено с архетипическими смыслами, библейской картиной мира, художественной символикой эпохи романтизма.

The article is devoted to the images of natural elements in the art picture of the world of A.S. Pushkin. Mythopoetic level of some lyrics and epic lyrics of 1813 – 1830 years is represented in the article. Mythologems of water, earth, fire and wind are defined. Artistic semantics and a forming role of the mythologems in the texts are analyzed. Mythopoetic meaning of images of natural elements is compared with archetype meanings, biblical picture of the world, artistic symbolism of romanticism's epoch.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, миф, художественная картина мира, мифопоэтика, стихии, романтизм.

A.S. Pushkin, myth, art picture of the world, mythopoetry, elements, romanticism.
УДК: 801.731:882.

Контактная информация: Кемерово, ул. Красная, 6. КемГУ, филологический факультет. Тел. (3822) 583885. E-mail: pavel-9209@mail.ru.

Несомненными составляющими художественной картины мира А.С. Пушкина являются все природные стихии, но особенно значимыми из них оказываются вода и земля, представленные в разных образах и на разных уровнях художественного текста. Мы обращаемся к поэтической мифологии стихий А.С. Пушкина в аспекте мифопоэтики. В связи с этим творчество автора рассматривается как моделирование художественной картины мира и создание индивидуально-авторских форм. «Мифологическое сознание» участвует в этом особым образом: по мысли А.Ф. Лосева, «...картина должна заговорить подлинным живым языком, и ее кто-то должен услышать... Она должна рождать не просто образы и картины фактов, но и *слова* о фактах. И тут мы находим подлинную арену для функционирования мифического сознания. Мифическое сознание должно дать *слова* об исторических фактах, *повествование* о жизни личностей, а не просто их немую картину. Миф – “поэтичен”...» [Лосев, 2001, с. 422] (курсив мой. – П.И.). Отдельные мифологемы художественной картины мира А.С. Пушкина, особенно топос Петербурга, рассматривались в работах В.С. Непомнящего, М. Новиковой, Л.Г. Пономаревой В.Н. Топорова и др. [Непомнящий, 1999, с. 27; Новикова, 1995, с. 260; Пономарева, 1998; Топоров, 1994]. Однако специального изучения природных стихий, насколько нам известно, ранее не предпринималось.

Одними из первых к мифопоэтике стихий воды и земли обратились З.Г. Минц и Ю.М. Лотман и показали, что «семантический мир Пушкина двуслоен. Мир вещей, культурных реалий составляет его внутренний слой, мир стихий – внешний. Отношение этих пластов к глубинному слою значений, то есть степень их символизации, не одинакова и необычна: у Пушкина в гораздо большей степени символизирован внутренний, бытовой, интимный, культурный пласт семантики, чем внешний – стихийный и природный» [Минц, Лотман, 1983, с. 35]. Таким образом, природные стихии рассматриваются исследователями как константы «фабульной» организации художественной картины мира. Данная концепция развивается в теории текста, предложенной Ю.М. Лотманом [Лотман, 1998, с. 149]. Исследователь пишет, что наряду с наличным уровнем смысла в художественном произведении присутствует и более глубинный архаический пласт, единицами которого являются «архисемы». На основе этих утверждений мы расцениваем природные стихии как целые смысловые комплексы, могущие реализовываться не только в тех образах, которые прямо со стихиями связаны, но и на уровне метафор, имеющих дополнительное семантическое значение и отсылающих к внутреннему миру автора или лирического героя.

Не останавливаясь подробно на метафорических смыслах природных стихий, которые, безусловно, имеют место в художественной картине мира А.С. Пушкина и реализованы во всей полноте смыслов, мы главным образом сосредоточим наше внимание на стихиях как константах вещественно-осязаемого мира.

В связи с ограниченным объемом статьи мы сосредоточим внимание на поэтических текстах А.С. Пушкина 1811–1830 гг., останавливаясь на тех, в которых природные стихии играют доминирующую и структурообразующую роль в создании художественного содержания.

Вода – одна из любимых стихий А.С. Пушкина. Образы ручья, водопада, пруда, озера присутствуют в лицейской лирике, являясь почти постоянным элементом усадебного и садово-паркового пейзажа («Монах», 1813; «К другу стихотворцу», 1814; «Воспоминания в Царском Селе», 1815; «Послание к Юдину», 1815 и др.). Новой семантикой вода наполняется в романтических произведениях А.С. Пушкина, символизируя особое состояние души лирического героя и становясь существенным элементом южного пейзажа. В этом отношении примечательна элегия «Погасло дневное светило» (1820). По устоявшимся представлениям пушкинистов, элегия открывает романтическое творчество поэта. Обилие водных образов в южном творчестве не было случайным, А.С. Пушкин любил море, стремился к нему. Необозримая водная стихия стала источником вдохновения, другом, собеседником, и «призывный шум волн» надолго входит в поэтический мир А.С. Пушкина. Бахчисарайская легенда стала основой поэмы, в которой фонтан – как рукотворный образ воды. Будучи в Михайловском, Пушкин узнает о наводнении в Петербурге и пишет поэму «Медный всадник» (1833), в которую включает событие потопа и образ разбушевавшейся Невы.

В художественной картине мира А.С. Пушкина стихия воды имеет множество значений. В элегии «Погасло дневное светило» море предстает как природная стихия, с которой лирический герой хочет слиться, в ней он обнаруживает созвучие своей жажде свободы. Вода как географическая граница, отделяющая родное пространство от чужого, предстает в образе реки Терека в поэме «Кавказский пленник» (1821). Есть у А.С. Пушкина вода «живая» и «мертвая». С одной стороны, она связана с образом русалки, демоническим существом из иного мира («Русалка», 1819; «Как счастлив я, когда могу покинуть...», 1826), а с другой, – воплощена в источниках вдохновения, поэтического огня – в Кастальском ключе и Гиппокрене («Заздравный кубок», 1816; «В степи мирской, печальной и безбрежной...», 1827). Фольклорный вариант семантики «живой» и «мертвой» воды представлен в поэме «Руслан и Людмила» (1820).

В «Евгении Онегине» вода является не только частью «пейзажных реалий», но и связывается со структурой романа и всеми основными героями [Янушкевич, 1999, с. 37–45; 1999, с. 175–177]. В поэме «Медный всадник» стихия воды приобретает важнейшее структурообразующее значение и предстает, главным образом, как водная магистраль Петербурга, включенная в миф о рождении и разрушении города. В контексте данной поэмы актуализируются библейские смыслы воды, связанные с историей о ветхозаветном потопе, которые в самом произведении подкрепляются трактовкой петербургского происшествия как божьего гнева и кары.

Земля – вторая составляющая стихия в художественной картине мира А.С. Пушкина. В структуре пушкинского космоса она приобретает важнейшее конститутивное значение, поскольку реализуется как в горизонтали, представляясь во всем многообразии ландшафтов и пейзажей, так и в направлении вертикали, прежде всего, воплощаясь в образах горы, холмов, скал, деревьев, устремленных вверх. В лицейской лирике стихия земли передается через топоры усадебной и садово-парковой культуры, связываясь с образами дома, мирного очага, храма, прибежища таинственных муз, прохлады и тени. Земля как часть эпического мира предстает в пространственных образах степи и дола, где кружат ветры, рождаются вихри («Руслан и Людмила»). Но особое значение стихия земли приобретает в южных произведениях А.С. Пушкина. Крым, Таврида, «предел желанный», изображается поэтом как ограниченное пространство, омываемое морем. Представленная в блесках полуденного солнца, она воплощает собой райский сад, место блаженства, вечного лета, совершенства природы и безбедного существования («Кто видел край, где роскошью природы...», 1821).

В картине мира А.С. Пушкина земля связана с водой, это пространство берега – линия соприкосновения воды и суши («Земля и море», 1821). В создании панорамной картины Кавказа актуализуется вертикаль мира, которую составляют образы стремнин, утесов, расщелин, обвалов. В стихотворении «Кавказ» (1829) горы как одно из явлений земной тверди включаются в космогонический миф о рождении мира, который развертывается перед взором лирического героя в двух пространственных координатах: сначала по вертикали, а затем в горизонтали, за счет чего создается объемная модель художественного универсума. В горном пейзаже Кавказа значимым оказывается и пространство пещер, хранящих живительную прохладу и спасающих путника от знойного дня. Развитие этой художественной семантики горы продолжено в стихотворении «Монастырь на Казбеке» (1829), входящем в «кавказский цикл». Формируется целостная картина мира, в которой выделены три области: пропасти (нижний мир), горный мир (небесный) и земной мир. Горы соединяют землю и небо. Лирический герой устремляется в келью горного монастыря, ища «вожделенный брег». Таким образом, гора становится символом духовного восхождения, связывается с темой спасения души, жаждой богообщения.

Другой вариант реализации стихии земли связан с христианской духовной культурой и заявлен через образы храмового пространства, кладбища. Земля как посмертное лоно предстает в топосах городского и сельского кладбища («Стою печален на кладбище», 1834; «Когда за городом, задумчив, я брожу», 1836), в изображении которых – противопоставление вечного как естественно-природного и тленного, урбанистического. В самом широком смысле земля как возделанная стихия предстает в образе города («Город пышный, город бедный...», 1828), который, в отличие от природного мира, обречен на разрушение.

Воздух, эфир, является еще одной первоосновой в художественной картине мира А.С. Пушкина, присутствие которой несомненно, однако в отличие от двух первых стихий, она менее проявлена. Как природная субстанция стихия воздуха специфична. В своем неподвижном состоянии она оказывается неприметной и

служит, как правило, выражением общих состояний природы и человека. Ветер как движение воздуха в художественной картине мира А.С. Пушкина наиболее актуален и предстает, главным образом, через взаимодействие с другими стихиями, в частности в контексте морского пейзажа как буря, шторм, гроза («Буря», 1925), являясь олицетворением динамики всех космических сил. На суше, равнине, открытом пространстве, ветер реализуется в образе вьюги, вихря («Зимний вечер», 1825; «Бесы», 1830), который сравнивается с завывающим зверем. В горных пейзажах ветер предстает надземной субстанцией, воздушной областью свободы и царственного парения над миром, а также связывается со светом, выводящим к горным высотам. И здесь возможны зооморфные символы орла, ястреба, а также образы ангелов, крылатых существ. Стихия ветра может служить метафорическим выражением сверхъестественных сил, как правило, антагонистического происхождения. В этой связи данная стихия имеет особое значение в структуре поэмы «Руслан и Людмила», сказках. Воздух связан со сказочной фантастикой видимого-невидимого мира, с ситуациями превращений и волшебства. Таким образом, ветер как природная субстанция и элемент вещественно-осязаемой картины мира А.С. Пушкина представлен менее детально, чем вода и земля. Однако с данной стихией связано множество метафор, иносказательных смыслов, и в этом отношении она являет собой неотъемлемую часть внутреннего мира автора.

Огонь является еще одним слагаемым поэтической мифологии стихий у А.С. Пушкина. Как первооснова мира он представлен в двух ипостасях: огонь как жар, пламя, и огонь как свет, сияние. В первом своем проявлении, агрессивном, разрушительном, данная стихия в художественной картине мира А.С. Пушкина почти не представлена, в большей степени она конкретизирована в образах света. В этой связи можно говорить о нескольких направлениях развития стихии огня в поэтическом творчестве А.С. Пушкина. С одной стороны, она реализуется в связи с фольклорной традицией, другая линия развития художественной семантики связана с обращением к античной мифологии, и третья, – обнаруживается в образах и мотивах христианской духовной культуры. Огонь как пламя в контексте эсхатологического мифа о гибели города заявлен в стихотворении «Везувий зев открыл...» (1834), написанном поэтом под впечатлением от картины К.П. Брюллова «Гибель Помпеи». Во всех других случаях стихия огня развивает целый комплекс метафорических значений, связанных с горением души лирического героя.

Со стихией огня корреспондирует свет в художественной картине мира А.С. Пушкина, который развит более последовательно и представлен, прежде всего, через природный образ солнца, дня как части суточного цикла, освещенность храмового пространства светом лампы и устремленность лирического героя к свету горнего мира.

Таким образом, обобщая все вышесказанное, следует отметить, что в художественной картине мира А.С. Пушкина основополагающими составляющими являются природные стихии, но особенно значимыми из них предстают вода и земля. Их художественная семантика формируется в обращении к традициям народной культуры, к античности и в процессе развития пушкинского творчества все более соотносима с библейской картиной мира.

Литература

- Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 2001.
Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 2005.
Мицц З.Г., Лотман Ю.М. Образы природных стихий в русской литературе (Пушкин – Достоевский – Блок) // Типология литературных взаимодействий: Тру-

ды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1983. С. 35–41.

Непомнящий В.С. Пушкин. Русская картина мира // Пушкин в XX веке: Ежегод. изд. Пушк. комис.: Серия / Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наследие, 1999. С. 27.

Новикова М. Пушкинский Космос. Языческая и христианская традиции в творчестве Пушкина. М., 1995.

Пономарева Л.Г. Лицейская поэзия А.С. Пушкина как целостный художественный мир: Дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 1998.

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1994.

Янушкевич А.С. К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина: Из статей в «Онегинскую энциклопедию» // Вестник Томского государственного университета. 1999. № 268.

Янушкевич А.С. Луна: По страницам Онегинской энциклопедии // Октябрь. 1999. № 3.